

Кастерли Рок — Тайвин

Тайвин провел слишком много времени с момента своего последнего видения, размышляя о том, что он узнает от соблазнительной рыжеволосой женщины из будущего.

Самым тревожным для него было не то, что Роберт Баратеон был назван королем, а действия его дочери. Слишком долго Тайвин понимал, что он позволял своим детям бесноваться, полагая, что фамилии, семейной чести будет достаточно, чтобы они поняли, чего от них ожидают.

Они принадлежали Ланнистеру, ради бога, он возмутился. Ланнистеры не вели себя как дураки!

Они были самыми богатыми и одними из самых могущественных домов в Королевстве.

И по словам женщины из его видений, его дети разрушили его большой дом.

Думала ли Серсея, что он играет в игру, которая не имеет ужасных последствий?

Думала ли она, что эта игра престолов была детской игрой?

Разве она не осознавала последствий своих действий?

Если женщине в видении верить, а Тайвин едва ли мог поверить, что она не может быть такой, так как узнал о первых двух победах в восстании, то Тайвин сделал свою дочь королевой!

И Серсея отплатила ему, разрушив его дом.

Он был в плохом настроении, задаваясь вопросом, когда он может противостоять Серсее и передать ей ожидания, которые он возлагал на нее как на свою дочь.

Теперь, более чем когда-либо, он часами проводил в семейном солнечном свете, наблюдая за ней и развратным маленьким пнем мальчика, болтающимся вокруг. Он ненавидел Тириона со страстью и знанием, что другие в будущем каким-то образом знали его стыд; Зная, что Тирион не был его сожженной ямой в желудке.

Пришло известие о победе Джона Аррена при Гуллтауне. И ходили слухи, что Эддард Старк сбежал из сети Долины, чтобы мчаться домой на Север и призвать свои знамена, в то время как лорд Аррен и лорд Баратеон сражались с Марком Графтоном.

Конечно, Роберт убил Графтона, взяв Гуллтаун и обеспечив себе репутацию человека, с которым нужно считаться, а не шута, который пил слишком много.

Тайвин часами работал над своей картой, перемещая оленя и соколиный маркер, чтобы указать на победу. Зная, что Роберт будет коронован королем, зная, что он выйдет победителем, Тайвину было легко увидеть, как этот человек построил своих последователей. И вот он, вынужденный сидеть в стороне и смотреть, как какой-то идиот, а не человек, выигравший две войны!

Это раздражало его, разъедая часы, когда он должен был спать.

Одержав победу в Гуллтауне, Роберт помчался домой в Штормлендс, где пришло известие, что не все поддерживают лорда-оленя.

Тайвин усмехнулся. Если бы он позвал свои знамена, его верные люди прислушались бы к его призыву, чтобы им не пришлось напоминать о том, что случилось с теми, кто стремился бросить ему вызов.

Саммерхолл. Следующая великая победа Роберта, где он убил лорда Фелла и привел лордов Кафферена и Грандисона в Конец Шторма. Теперь пришло известие, что те три дома, которые восстали в знак протеста против Роберта, пообещали ему, и теперь Роберт может свободно ехать на север, чтобы объединить силы с лордом Арреном и лордом Старком.

И он застрял у Скалы, рычал Тайвин.

Даже его верный брат Кеван дал ему широкое причал в эти дни, так как его настроение было таким же плохим, как штормы, которые накатывались в осенние месяцы и разбивали Скалу.

Наконец, когда он больше не мог терпеть, Тайвин потребовал, чтобы Серсея пришла к его солнечному солнцу, где они поговорят.

Тайвин был глубоко погружен в свою переписку, используя острый нож, чтобы разрезать восковые печати, которые пришли со всего мира, чтобы дать ему ценную информацию. Он едва заметил, когда он прозвал себя, кровь текла по его пальцам и оседала вокруг его сигильного кольца.

Он сидел за своим столом, его лицо было обычным хмурым, когда он читал свитки, когда Серсея прогуливалась в комнату.

Тайвин критически посмотрел на нее, впервые отметив, что, хотя она была женщиной, достигшей совершеннолетия, в ней был холодный и расчетливый воздух.

Тайвин подумала, что что-то в ее глазах было почти окрашено безумием; Конечно, амбиции горели там ярко и горячо.

Встряхнувшись от своих размышлений, он указал на сиденье напротив своего.

— Отец, — ухмыльнулась она, садясь сама.

Как он раньше не видел расчет в ее глазах?

Это было ясно для любого, кто хотел посмотреть на нее, чтобы увидеть. Она не пыталась скрыть это, и впервые Тайвин задалась вопросом, чего она хочет, этой его дочери.

Он упрекал себя за то, что он настолько слеп и поглощен горем, что практически не обращал внимания на своих детей, предпочитая, чтобы его братья и сестры взяли на себя их заботу.

Теперь, казалось, он просчитался. Он всегда предполагал, что конец его дома придет из внешних источников, намеревающихся уничтожить его. Узнав, что его дети приложили руку к кончине дома Ланнистеров, он не давал ему спать много ночей в течение последних нескольких недель.

— Иди, — сказал он, холодный тон, двигаясь к ней. Они подошли к его большой карте Вестероса, которую он держал в углу комнаты, где пролился естественный свет.

Серсея нахмурилась на его команду, но поднялась, чтобы последовать за ним.

В ее красоте была жесткость, внезапно поняла Тайвин. Она знала, что она из себя

представляет, и он был уверен, что она воспользуется этим в своих интересах. И хотя он одобрял, когда ее планы не совпадали с его планами, это вызывало беспокойство.

— Что ты видишь?

Она нахмурилась. Все знали о восстании, и начали распространяться слухи о двух победах Роберта.

Его дочь усмехнулась, глядя на столицу. Ее ненависть к Дому Таргариенов была почти такой же глубокой, как и его, но это было потому, что они отвергли ее. Это было еще одно оскорбление его дома от его бывшего друга.

«Повстанцы храбры, отец, чтобы сражаться против Безумного Короля».

Глаза Тайвин никогда не покидали ее, наблюдая, как она сканирует карту.

— Это победы лорда Роберта? Она указала карту.

— Хм, — согласился Тайвин. «Они есть».

Каким бы ни был Роберт, трусливый на поле боя не был одним из них.

Мужчина из Штормовых земель надеялся на брак между Домами Баратеоном и Старком в один прекрасный день. Но теперь, когда этот вариант исчез, Тайвин увидел другой вариант. Когда он рассказал об этом дочери, она фыркнула от отвращения.

«Он начал войну против короля, и все из-за нее».

Ее глаза устремились на север. В Винтерфелл. К Старкам.

Тайвин крутил руками, размышляя.

Чего хотела его дочь? Было очень мало вариантов, доступных для высокородных женщин. Женитьба была тем, что от них ожидали.

«Если Роберт выйдет победителем, он станет влиятельным человеком, дочерью. Возможно, самый влиятельный человек в Вестеросе. И ему потребуется королева».

Ее зеленые глаза подлетели к нему, и он увидел там что-то, что охладило его кровь.

Отрицание.

Отказ.

Хитрость, которую он раньше не замечал.

— Сильнее тебя, отец?

Тайвин хотел фыркнуть на ее вопиющую попытку лести.

Ему понадобятся Леди для Конца Шторма, Серсея и Королева рядом с ним, если он займет Железный трон. Ему понадобится наследник. Может быть, не сразу, а через год-два, когда все уладится».

Она покачала головой. «Он зверь со всех сторон, отец. По слухам, он влюблен в другого. Вы не можете подумать, что я хотела бы выйти замуж за такого человека».

«Любовь? Это ваше возражение против такого прекрасного матча?» Тайвин усмехнулся.

Руки Серсеи покачались, и ее голова последовала за ней.

— Не он.

Тайвин засиял.

«Нет? Тогда, возможно, лорд Аррен. Человек также нуждается в наследнике и является лордом долины».

Его дочь побледнела еще больше и заикалась.

«Боги, отец, нет. Я умоляю тебя, нет».

Разочарование Тайвина росло вместе с его гневом.

«Тогда Оберин Мартелл? Он не наследник Sunspear, а принц».

Серсея ничего не сказала, ее зеленые глаза сверкали отрицания.

«Станнис? Через год вы двое будет хорошим матчем. Если бы Роберт был королем, Станнис был бы лордом конца Шторма, а вы оба ровесники. Возможно, с ним можно было бы сделать матч для вас».

Ее голова дрожала почти судорожно, и слезы собирались в ее глазах, отвергая каждое имя, которое он выбрасывал.

По какой-то причине ее слезы тронули Тайвина. Это было шоу, он был уверен.

Кулак Тайвина ударил по карте.

«Как ты думаешь, каков твой долг, Серсея? Ты моя дочь. Ваша роль состоит в том, чтобы жениться, помогать обеспечивать наши домашние союзы и производить наследников!»

Ее зеленые глаза сверкали, и ярость, бессильная и горячая, редела сквозь них.

Она была зла, обсуждая свой брак, понял Тайвин, ошеломленный.

Как она думала, в чем заключалась ее роль, если не в том, чтобы хорошо выйти замуж и обеспечить наилучший союз для их дома?

«Если бы я был твоим сыном, у нас не было бы этого разговора! Меня бы не обменяли, какого-нибудь кобыла; Моя единственная ценность для вас - это брак, который я могу заключить. Скала была бы моей! Я твой первенец, отец».

Тайвин фыркнул и покачал головой, недоверчиво глядя на ее желчь.

«Так не работают законы о наследовании. Мы не Дорн. Хайме - мой наследник».

Там была вспышка, что-то притяжательное в ее глазах, когда он произносил имя своего сына, и

это беспокоило Тайвина на фундаментальном уровне по причине, которую он не мог назвать.

Тайвин наклонился над картой, его глаза были скучными в ее глазах.

«Он мой сын, моя наследница Серсея. Он не твой. Не забывайте. Хайме – это МОЕ!»

Он увидел аргумент на ее лице, прежде чем он покинул ее губы, ее рот двигался так быстро, как она могла сформировать слова. Как он мог когда-либо думать, что ее скромность и как ее мать были вне его рассуждений в этот момент?

Она наклонилась к нему, боль, ярость, гнев и одержимость — все это отпечаталось на ее лице, которое почти стало уродливым с ее эмоциями.

«Это не так! Он мой близнец! Мы жили в общем чреве. Он любит меня больше всего, и вы не разлучите нас. Не тогда, когда Безумный Король мертв. Джейме вернется домой к Скале, и ты не можешь заставить меня уйти».

Тайвин усмехнулся и покачал головой, отвращение к ней было видно на его лице.

«Кастерли Рок не твой, Серсея. Ваше будущее не здесь. Вы благородная и истинно рожденная женщина. Через год ты выйдешь замуж и станешь Владычицей великого дома, и твой брак поможет нашей семье».

Тайвин повернулась, чтобы выйти из комнаты, когда ее голос остановил его. Это было холодно и расчетливо, а последствия настолько велики, что они осели, как яма в его желудке.

«А если я откажусь, отец? Что было бы хорошего в ваших планах, если бы я никому не был нужен? Если бы у меня начались слухи о том, что я не ...»

Даже она не осмелилась закончить это предложение.

Чистая, неподдельная ярость пронеслась через него, и он повернулся назад, преследуя ее, схватив ее за руки, крепко держа ее.

Осмелилась ли она угрожать ему таким поступком?

Разве она не понимала последствий такого выбора – не только для нее, но и для их дома, их положения в Вестеросе?

Слух, подобный тому, которым она угрожала, мог мгновенно уничтожить женщину. Высокородная женщина цеплялась за свою девичью и охраняла ее, как будто она была драгоценной. Потому что так оно и было!

«Ты осмелишься бросить мне вызов? Вы бы сделали что-то подобное, чтобы навредить не только себе, но и своей семье? Твоя девичья жизнь — это единственное, что у тебя есть, дочь».

Он увидел гнев в ее глазах, а затем отрицание. Голова Тайвина закружилась, и он понятия не имел, во что верить.

Она просто проверяла его?

Будет ли она действительно делать все возможное, чтобы избежать брака?

Отдала ли она свою девичью честь?

А если и была, то кому?

— Прости, отец, — заикалась она.

Она покачала головой, и человек, который гордился тем, что может читать людей всю свою жизнь, зная, говорят ли они ложно, понятия не имел, лжет ли она ему.

Его глаза сузились.

«Твой долг — выйти замуж, Серсея, и выйти замуж за человека, который поможет нашему Дому. Ты Ланнистер! И ты выйдешь замуж за любого человека, которого я выберу».

Его голос поднялся, команда в нем безошибочна.

Тайвин увидела, что хочет отрицать это; она отвергла любой выбор, который он ей дал, чтобы сказать, что она не выйдет замуж. У него не было бы ничего из этого.

«Я дал тебе выбор, Серсея, больше, чем большинству отцов. Подумайте об этом».

При этом Тайвин выскочил из комнаты, не подозревая, что его младший ребенок спрятался, чтобы он мог подслушать весь разговор.

Когда комната была свободна от Великого Льва, Тирион тихо свистнул, когда он вышел из-за большого пуфика.

В десять лет он был еще невероятно мал для своего возраста, и хотя он был гениален, он не мог понять, почему его так ненавидел отец. Хуже было теперь, когда Хайме ушел, отправился в столицу и охранял короля.

Сестра ненавидела его почти так же, если не больше, чем отца. Но теперь, ну, теперь он знал ее секрет. Он всегда был умным для своего возраста.

Он не понимал, почему его брат, казалось, так сильно любил ее. Она была горькой, жестокой и подлой женщиной, которая не любила Джейме так, как любил ее его золотой брат.

Теперь, когда она издевалась над их отцом, Тирион знал, что он должен сказать отцу, чтобы Серсея не сделала их всех похожими на дураков.

Когда Серсея заметила его, она зарычала на него.

— Что ты делаешь, притаившись здесь?

Он немного свистнул, пожав плечами. Так долго Тирион хотел, чтобы его отец любил его. Возможно, если бы он поговорил со своим отцом о своей сестре и ее заговорах, Тайвин мог бы полюбить его. Это должно было быть лучше, чем то, как обстоят дела в настоящее время.

«Интересно, что бы подумал Отец, если бы я поговорил с ним о тебе и Джейме».

Глаза Серсеи сузились, когда она подошла к нему, наклонившись, просверлив пальцем в его груди.

«Ты ничего не скажешь, Тирион, ты злобное маленькое существо. Вы думаете, что отец вообще поверил бы вам? Ты, ребенок, убивший свою любимую жену».

Глаза Тириона расширились, и он внезапно испуганно кивнул, подняв руки и отступив от нее. Ее глаза бушевали.

«УХОДИ!» — кричала она, плевок вылетал изо рта.

Сердце Тириона билось, когда он спешил из комнаты, страх кричал через его тело. В его сестре было что-то неловкое, и впервые в своей молодой жизни Тирион Ланнистер испугался.

Настоящее, ноябрь: Ланниспорт - Санса

Усталость ударила по Сансе, когда она зажгла свечи в своей ванной, наливая лавандовую жемчужную ванну в теплую воду. У нее был бокал вина, музыка, которая ей нравилась на низком уровне, и она не планировала выходить из ванны, пока она не стала черносливом!

Если она думала, что первые несколько месяцев ее степени магистра были трудными, эти последние несколько недель бросили ей вызов так, как она никогда не считала возможным. Она решила, что ее профессора пытаются убить их, похоронить их под таким количеством чтения, что она едва могла найти время, чтобы делать что-либо, кроме чтения, посещения занятий и написания статей. И даже тогда она едва успевала. Ее мозг на самом деле болел.

Вот почему ее пятничный вечер был проведен наедине со свечами, вином и музыкой.

Марг умоляла ее пойти с ней в эти выходные, в конце концов измотав Сансу, так что она согласилась пойти в клуб с Марг и ее бойфрендом Бронном завтра вечером.

Под также приходил, и хотя Санса не очень хотела уходить, она знала, что необходимо участвовать в некоторых вещах, чтобы сохранить своих новых друзей.

Она хихикнула, когда подумала о лице Джоффа, когда их профессор отругал его перед всем классом сегодня. Он терпел неудачу, отказывался идти в ногу с показаниями и находился в реальной опасности провалиться.

Санса закрыла глаза и подумала о периоде, на котором они были сосредоточены. Начало восстания Роберта и ответ Вестерландов.

Трудно было утверждать, что Тайвин не был холодным и расчетливым в это время, сидя у Скалы и отказываясь заявлять за любую из сторон.

Точка зрения Сансы заключалась в том, кто может обвинить его?

«Его сын был заложником Эйриса», — сказала она классу, в то время как другие закатывали глаза на ее продолжающуюся защиту его. — Что он мог сделать?

Большинство думало, что он решил не вступать в бой, чтобы его армия не была истощена, но Санса считала, что это гораздо больше связано с тем, что Джейме находится в Королевской Гавани, чем с беспокойством Тайвина по поводу убийства сил Ланнистеров.

Это был решающий момент в ее тезисе - что любовь Тайвина к Джейме была абсолютной и искренней; и что это ослепило его от недостатков Джейме и помешало Великому Льву сосредоточиться на том, что делали другие его дети. Это и то, что мужчина потерялся в своем горе из-за смерти жены.

Когда она, наконец, вышла из ванны через час, она высушила себя, надела майку и шорты для

мальчиков и заползла в постель. У нее были часы работы, чтобы сделать завтра, продукты, чтобы получить, и ее квартира, чтобы убраться, прежде чем она могла даже подумать о том, чтобы присоединиться к своим друзьям в клубе.

Тем не менее, было весело думать о том, чтобы выйти хотя бы время от времени. В конце концов, она была молодой женщиной. Люди в университете все время ходили в клубы.

Санса сонно поглаживала львиное кольцо, которое она теперь носила на указательном пальце, установив его, так что оно было плотно прижато к ее пальцу и всегда было рядом. Ей нравилось, как это выглядело, и она часто играла с ним или гладила его другими пальцами.

Большинство думало, что ее одержимость Тайвином распространилась на то, чтобы сделать эту подделку, что-то дешевое и неважное.

Только она знала, что когда-то она принадлежала ему.

Когда она заснула, она задалась вопросом, был ли он тем человеком, о котором они знали в книгах по истории. Он был настолько доминирующей фигурой, что, конечно, он не мог оправдать репутацию, которая просачивалась вниз на протяжении многих лет. В нем должна была быть какая-то мягкость, не так ли?

Зевнув еще раз и закрыв глаза, Санса промахнулась, когда кольцо стало теплым, заснув и надеясь, что ей приснятся прошедшие времена.

Санса поняла, что ей снится почти сразу, когда в поле зрения попали Кастерли Рок и Ланнистеры. Она оглянулась, чтобы увидеть себя в кабинете, --- нет, солнечная энергия, она поправила себя. Если бы у нее были руки, она бы хлопала в ладоши от радости!

Ей нравилось, когда ее разум давал ей мечты, которые она хотела! И что может быть лучше мечты, чем увидеть Тайвина Ланнистера. И была ли это его дочь с ним?

Такого никогда не случалось раньше, поэтому Санса сосредоточилась на том, что они говорили. Ее мозг был чудесной вещью.

«А если я откажусь, отец? Что было бы хорошего в ваших планах, если бы я никому не был нужен? Если бы у меня начались слухи о том, что я не ...»

Санса была поражена тем, насколько сердитым казался Тайвин. Как могла его дочь не видеть влияния своих слов на него? И более того, зачем ей издеваться над ним таким образом?

Тайвин смотрел на свою дочь, увидела Санса, и она хотела накричать на Серсею за то, что она издевалась над ним таким образом.

«Ты осмелишься бросить мне вызов? Вы бы сделали что-то подобное, чтобы навредить не только себе, но и своей семье? Твоя девичья жизнь — это единственное, что у тебя есть, дочь».

Серсея покачала головой.

— Прости, отец.

«Твой долг — выйти замуж, Серсея, и выйти замуж за человека, который поможет нашему Дому. Ты Ланнистер! И ты выйдешь замуж за любого мужчину, которого я выберу. Когда тебе исполнится двадцать один год, ты поженишься».

Рот Серсеи захлопнулся и оказался в тонкой линии. Санса думала, что она дура! Ее отец давал ей выбор, и так мало женщин получили его в те времена.

«Я дал тебе выбор, Серсея, больше, чем большинству отцов. Подумайте об этом».

Затем Санса увидела, как Великий Лев возвращается и выходит из комнаты. Ее разум мечты следовал за ним, когда он бегал по коридорам того, что должно было быть Кастерли Рок!

ГАХ! Она видела Кастерли Рок. Это была лучшая мечта! Она задавалась вопросом, где ее разум придумал все реалистичные детали. Она хотела, чтобы он замедлился, чтобы она могла смотреть на красивые гобелены, украшающие стены, окна и стеклянные мозаики.

«Дурак», — пробормотал он, пробираясь в Зал Героев.

Санса ахнула при виде перед ней (или была бы, если бы у нее было тело! Но, по ее мнению, это был полный вздох).

Район был красивым, с массивными памятниками в натуральную величину из легенды в доме Ланнистеров. Санса поинтересовалась, куда идет Тайвин, а затем увидела, как он остановился перед картиной Джоанны Ланнистер.

Ее романтическое сердце упало в обморок. Быть настолько любимым, чтобы мужчина ни разу не взял другую жену, даже если бы это пошло ему на пользу. Каким это должно быть?

«Я потерял, любовь моя», — сказал Великий Лев, стоя на коленях перед картиной. «Слишком долго я игнорировала наших детей, позволяла им думать, что они знают, что лучше для них самих и нашего дома».

Горе в этом человеке было почти ощутимым, и Санса хотела, чтобы она могла утешить его.

«Я не выполнил своих обещаний тебе, жена. Наш сын, наш любимый Джейме, потерял, заложник во всем, кроме имени человека, который, как я знаю, причинил тебе боль. Наша дочь – тщеславное, хитрое существо, которое, боюсь, доведет нас всех до гибели. И как бы я ни ненавидел его, я никогда не был в состоянии убить мерзость, которая отняла тебя у меня».

Санса болела за этого человека. У нее не было иллюзий, что он не холодный и расчетливый человек, безжалостный человек, который сделает все возможное, чтобы его семья, его имя, его дом преуспели.

Но он также был человеком, который глубоко любил и был обижен; его другом, королем, его детьми и безвременной смертью его любимой жены.

Когда сон начал исчезать, она задалась вопросом, почему ее решение придумало такой разговор. За все годы своих исследований она ни разу не слышала о том, чтобы Тайвин когда-либо противостоял Серсее таким образом.

Санса ахнула, когда сон отпустил ее, мгновенно проснувшись.

Это было так ярко, что она чувствовала, что была там, и боль, которую она испытывала к Тайвину, не исчезла даже после пробуждения. Она оглянулась и увидела, что едва исполнилось 3 часа ночи, слишком рано начинать свой день.

Но что бы она ни чувствовала, она не была сонной, когда она лежала в своей постели, пытаясь

препарировать то, что ей только что приснилось. Она отодвинула чехлы и отправилась на кухню, чтобы выпить стакан воды. Когда она смотрела на улицу, город спал, как и должно быть, она думала о том, что видела.

Как все было бы по-другому, подумала Санса, если бы Тайвин знал, какой женщиной была Серсея.

Признал бы он когда-нибудь ее жажду власти? Смог бы он предотвратить ее и Джейме злополучные отношения в Королевской Гавани после того, как Серсея вышла замуж за Роберта? Смог бы он спасти свой дом от разорения, если бы знал, что замышляют его дети?

Вздохнув, она положила стакан в раковину, а затем вернулась в постель. Это заняло бы некоторое время, но ей нужен был сон, особенно с планами Марг на нее.

Она задавалась вопросом, может ли ей снова сниться Тайвин, но когда она погрузилась в сон, ее приветствовала только тишина, ее посетителей из прошлого нигде не было.

На следующее утро, поспешив купить продукты и хранить их на своей маленькой кухне, Санса заглянула между стопкой книг, которые она там сидела, ожидая ее и внешнего мира, где легкий, морозящий ноябрьский дождь делал все серым, влажным и несчастным.

Это соответствовало ее настроению, в котором она была все утро. Она проснулась ото сна, думая, что будет рада погрузиться обратно в древний мир Вестерландов, но вместо этого она почувствовала себя решительно не в своей тарелке.

Горе, которое она видела во сне, казалось слишком реальным и личным. Взгляд на лице человека, которого они называли Великим Львом, был таким, который она часто видела, как ее отец носил на своем лице.

Санса провела некоторое время в терапии, в основном, чтобы узнать, как помочь отцу справиться с его горем.

Терапевт назвал это «сложным горем».

Это было больше, чем просто грусть о том, что кто-то умер; это часто было то, что чувствовали те, кто потерял ребенка или любимого супруга. Это часто сопровождалось дополнительными психическими расстройствами, такими как тревога, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство. Это часто длилось дольше, чем «нормальное» горе, хотя Санса ненавидела этот термин, продолжаясь в течение длительного периода времени.

Нед сказал Сансе и ее терапевту, что только она, его дочь, дала ему повод продолжать жить после потери жены и маленького сына, и Санса годами несла мантию этой ответственности.

В большинстве случаев она не возражала. Ее отец был замечательным, и они были очень близки. Санса с трудом могла себе представить, что он пережил, потеряв жену и сына.

Но этот опыт и знания привели ее в настроение сегодня утром.

То, что она видела во сне прошлой ночью, агонию и боль на лице мужчины во сне, было выражением, которое она слишком часто видела в реальной жизни.

Это заставило ее чувствовать себя беспокойной и зудящей, и она знала, что не может оставаться в своей маленькой квартире весь день. Приняв решение, она нашла свои дождевые

ботинки Hunter, зонтик и дождевик North Face и вышла из квартиры, прежде чем смогла поставить под сомнение свое решение.

Было только одно место, куда можно было пойти; руины скалы Кастерли. В межсезонье часы были сокращены сегодня до 11 утра - 4 вечера. Она пропустила экскурсию и бросилась внутрь, зная, где ей нужно быть.

Она остановилась, когда вошла в Зал Героев, или то, что они теперь считали Залом. Она могла видеть его, в совершенной ясности в своем уме, во всей его красе, как она мечтала прошлой ночью.

Откуда взялись эти образы? Она подумала, бродя по руинам, ее руки касались оснований памятников, которых давно не было.

Сотни лет назад все великолепные замки в Вестеросе подверглись набегам, кости давно умерших предков были украдены и проданы на черном рынке людям, которые должны были обладать чем-то, что не принадлежало им.

Виновато, что ее глаза отклонились от ее кольца, но она стряхнула его. Кольцо было другим. Она должна была найти его, она знала.

Она остановилась в том самом месте, где она видела, как Тайвин упал на колени, все его тело было побеждено, поскольку он признался в своих неудачах своей покойной жене.

«Интересно, как долго она была мертва?» Санса сказала вслух и никому.

Дождь и ветер усилились, и она была здесь единственной; все остальные были внутри, укрываясь, но она не могла не позволить стихии омыть ее.

Стоит ли удивляться, что она не могла найти мужчину, который любил бы ее так, как такие мужчины, как ее отец и Тайвин, любили своих жен?

Была ли она так неправа, желая того, что у них было?

Даже когда горе почти калечило их, у них все еще были хорошие воспоминания.

Она бесцельно бродила по коридору, который теперь был просто старым осыпающимся камнем, и на секунду поклялась, что увидела гобелены, которые выстилали стены, мозаики из стеклянных кусочков, инкрустированных золотом, на создание которого, должно быть, ушли сотни, если не тысячи лет. Скала ее мечты была всем, что она когда-либо себе представляла, и она видела только две комнаты.

Ее не удивило, когда она оказалась в том, что, как она теперь знала, было частной солнечной батареей Тайвина Ланнистера. Она могла представить себе большую карту, над которой он навис, ругая свою дочь, когда они обсуждали восстание.

Историческое общество назвало это семейной библиотекой, но Санса знала, что они ошибались.

Что с ней происходило?

Откуда взялось чувство срочности, знания и меланхолии?

Она громко, резко рассмеялась в комнату и махнула рукой, когда некоторые повернулись и

выстрелили в нее.

Она могла видеть массивный стол, за которым Великий Лев, должно быть, часами писал свои свитки. Ему приписывали известную линию; некоторые войны были выиграны мечами и копьями, другие с перьями и воронами. Тайвин выигрывал войны в обоих направлениях.

Боги, она была уродом, думала она. Она была одержима человеком, который жил более семнадцати сотен лет назад!

Если она была честна с собой, что казалось настроением, в котором она была, она сравнивала всех мужчин, которых она встречала, со своим отцом или Тайвином!

А потом удивлялся, почему никто никогда не измерял.

Один человек, ее отец, был настолько хорош, настолько чистосердечным и добрым, что Санса поклялась, что никто другой никогда не сравнится.

Другой человек был чудовищем, только смягченным его эпической любовью к жене и горем, которое явно поглотило его после ее смерти.

И это были ее два идеала. Неудивительно, что в своем возрасте она была одинокой и девственницей.

Она бродила по руинам, каким-то образом зная, как выглядела Скала на пике ее могущества, когда здесь правил Великий Лев.

Покачав головой, Санса наконец покинула Скалу.

Ей пришлось пережить это... одержимость. Ее одноклассники были правы.

Она была целеустремленной, и хотя это сослужило ей хорошую службу в учебе, это отстой для ее жизни знакомства. Ей нужно было дать шанс некоторым мужчинам, если она не хотела оказаться старой девой, одна с двенадцатью кошками!

Возьмите Pod. Он был мил и соответствовал возрасту. Конечно, Санса чувствовала больше эмоций для сна! Тайвин, чем у нее был любой мужчина в недавней памяти, но, возможно, она не была справедлива к Поду или любому мужчине, которого она встречала.

Когда она вышла из руин, она была поражена, увидев, как темно.

Как долго она была здесь?

— Дерьмо, — прошептала она.

Было почти 4 часа дня. Чтобы добраться домой, требовалось не менее получаса, а затем ей нужно было приготовить ужин и подготовиться. Марг и Бронн забрали ее чуть менее чем за два с половиной часа.

«Мне лучше поторопиться», — пробормотала она про себя, чуть не подбежав к своей машине, даже не взглянув на Скалу. Ей пришлось отпустить это безумие сравнения мужчин с Тайвином Ланнистером из всех людей. Не было таких людей, как он; не было сотни лет.

Она включила машину, включила радио на какую-то глупую современную поп-станцию и прочитала себе суровую лекцию. Настало время начать жить своей жизнью в настоящем, очень

современном 21-м веке.

Всю свою жизнь она хотела большой любви, и она не собиралась найти ее, ползая по старым руинам и мечтая о человеке, который давно умер.

Сжав плечи, она отправила Марг сообщение, когда вернулась домой.

Санса: Все еще сегодня вечером?

Марг: Вы делаете ставку! Возбужденный?

Санса: Черт возьми, да! Время расслабляться и веселиться.

Она застонала. Кто, черт возьми, сказал, что отпустили? Ботаник, который был ею.

Марг: О, милая, ты очаровательная! У меня есть хороший авторитет на Подрик Пейн с нетерпением ждет сегодняшнего вечера.

Марг включила небольшой смайлик с покачивающимися бровями, и Санса засмеялась, несмотря на себя. Это было хорошо. Это было нормально.

Санса: Потрясающе. Не могу дождаться. Скоро увидимся!

Марг: Вы делаете ставку! А Санса - платье, чтобы произвести впечатление. Вы курите горячо! Время найти вам мужчину.

Покачав головой на Марга, Санса пообещала, что она это сделает.

Затем она решительно вытолкнула Тайвина Ланнистера и его наполненные горем глаза из своего разума, решив дать ему свой лучший шанс сегодня вечером найти кого-то, с кем она могла бы связаться. Она закончила жить в прошлом; настоящее и ее будущее звали.

<http://tl.rulate.ru/book/85704/2739757>